

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ И НА УРАЛЕ В 1914–1916 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ»)*

Первая мировая война, трактуемая в советских учебниках как борьба между империалистическими державами за передел мира, безусловно, заслуживает изучения через призму конкретных человеческих судеб, в частности, судеб иностранных военнопленных, обретших временное пристанище на территории Уральского региона.

Первые сведения о вражеских военнопленных появились на страницах местной печати уже 31 июля 1914 г. (по старому стилю). «Уральская жизнь»¹ извещала своих читателей, что через ст. Вильно проследовало шесть вагонов с пленными немцами, из которых четверо — раненные офицеры — были помещены в местный госпиталь².

8 августа 1914 г. газета сообщила, что накануне, 7 августа, через ст. Екатеринбург–1 (ныне ст. Свердловск Пассажирский) в Вятку проследовало 234 чел. германских подданных, взятых в качестве военнопленных в Прибалтийском крае. «Их свободно, без охраны выпустили гулять по станции... Большинство их из Риги и плохо говорят по-русски, — информировал корреспондент «Уральской жизни» Б. Михайлов, — ... Служили в Риге в разных фирмах и конторах. Война была для них в большинстве неожиданностью. Сейчас же всех собрали и велели ехать в Самару. Здесь два дня держали в тюрьме, а затем отправили в Вятку»³.

Речь в данном случае, очевидно, шла о так называемых гражданских пленниках. Это были германские и австро-венгерские подданные, находившиеся в запасе армий своих государств и проживавшие к началу войны на территории России. По сути, имелись в виду лица, которые современным международным правом квалифицируются как интернированные, то есть принудительно задержанные одной из воюющих сторон граждане другой воюющей стороны, не принимавшие прямого участия в военных действиях. «Застынутые в городах России во время войны» они подлежали передаче в ведение министерства внутренних дел в отличие от пленников, взятых («на театре военных действий»), которыми распоряжалось военное ведомство⁴. В Екатеринбурге и уезде к началу войны оказалось 68 гражданских пленников, которых разметили под охраной в специально снятой гостинице. Позже, к 20 августа 1914 г. их выслали в Вятку⁵.

29 августа 1914 г. в Екатеринбург прибыли «настоящие» пленники — 9 солдат австро-венгерской армии, чехов по национальности, захваченных во время первых боев. Однако в городе они не задержались, поскольку местом их назначения был Тобольск⁶. За последующие 4 месяца 1914 г. через город проследовало еще 25 партий пленников, в общей сложности более 14,8 тыс. чел. (табл. 1). Местная публика с живейшим интересом встречала и провожала каждый состав с пленными, проявляя искреннее сочувствие к их незавидной судьбе, которое выразилось по-разному — в пожеланиях счастливого пути, раздаче папирос и табака, сборе тут же, во время стоянки поезда, вещей, еды или денег в пользу «страждущих».

Из 15 074 неприятельских военнотружущих, побывавших в пределах Екатеринбурга в 1914 г., непосредственно в городе осталось только 28 чел. Они прибыли на ст. Екатеринбург–1 16 сентября и с вокзала были препровождены в распоряжение екатеринбургского воинского начальника⁷. Таким образом, в 1914 г. будущая столица Урала играла более чем скромную роль в истории с неприятельскими военнопленными, являясь лишь транзитным пунктом на пути их следования. Отметим, что и в последующем 1915 г. ситуация кардинальным образом не менялась (табл. 2).

* Работа выполнена при поддержке гранта молодых ученых УрО РАН.

Движение военнопленных через ст. Екатеринбург-1 в августе-декабре 1914 г

Дата прибытия	Прибыло, чел.	Из них:		Подданство	Место назначения
		Нижних чинов	Офицеров		
07.08.	234 ¹⁾			германцы	Вятка
29.08.	9	9		австрийцы	Тобольск
30.08.	7 ²⁾			австрийцы, германцы	Тобольск
03.09.	254	239	15	австрийцы	Вятка
16.09.	28	28		австрийцы	Екатеринбург
26.09.	200			австрийцы, германцы	Омск
06.10.	170	170		австрийцы	Череповец
10.10.	36	36		австрийцы	Пермь
16.10.	83	76	7	австрийцы	Вятка
19.10.	87			австрийцы	Омск
20.10.	853	850	3	австрийцы, германцы	3)
20.10.	10			германцы	Омск
23.10.	400			австрийцы, германцы	Сибирь
24.10.	514	482	32	австрийцы, германцы	3)
29.10.	170	142	28	австрийцы	Сибирь
03.11.	141	133	8	австрийцы	Сибирь
04.11.	485	472	13	австрийцы	3)
19.11.	45	37	8	германцы	Сибирь
28.11.	517	517		австрийцы	Кузур и далее
03.12.	40			австрийцы, германцы	Омск
14.12.	66	58	8	германцы	Сибирь
28.12.	288			австрийцы	Сибирь
23.12.	4000			австрийцы, германцы	Ст. Омской железной дороги
28.12.	1600	1540	60	австрийцы, германцы, турки	3)
29.12. ³⁾	1557			австрийцы, германцы, турки	3)
30.12.	600			австрийцы, германцы, турки	Сибирь
31.12.	2680	2000	680	австрийцы, германцы	Сибирь

Источник: Уральская жизнь. 1914. 8, 31 авг.; 4, 5, 18, 27 сент.; 8, 11, 17, 21, 25, 26, 31 окт.; 4, 6, 21, 30 нояб.; 4, 16, 21, 24, 30, 31 дек.

¹⁾ Речь идет о гражданских пленнхх.

²⁾ В источнике место назначения точно не указано: «из Ишима на работу».

³⁾ В источнике место назначения не указано.

⁴⁾ Точная дата не указана. Очевидно, между 16 и 21 декабря 1914 г.

⁵⁾ В газете № 289 от 30 декабря 1914 г. сообщалось, что за последние дни, очевидно, между 24 и 30 декабря, через Екатеринбург прослали тысячи военнопленных немцев и австрийцев. Они направлялись на станции Омской железной дороги для размещения в селах Ишимского, Тюкалинского и др. узлов Тобольской губернии.

При этом, однако, в городе активно обсуждался вопрос о возможности вовлечения пленных в экономическую жизнь региона. 26 августа 1914 г. «Уральская жизнь» с воодушевлением «приветствовала» распоряжение вятского губернатора об обращении пленнхх на общественные работы в пользу земств и городов⁸. 2 сентября газета сообщила о совещании в Лесном департаменте Управления земледелия и государственных имуществ по вопросу о применении труда пленнхх иностранцев. Одновременно в издании помещалось известие об обращении министра внутренних дел к начальнику Пермской губернии с предложением разместить на территории последней австрийских и германских военнопленнхх с тем, «чтобы они были заняты работами для городеких и земских самоуправлений»⁹.

В тот же день, 2 сентября 1914 г., проблема принудительного труда пленнхх обсуждалась на собрании городской Думы Екатеринбургa. Оживленная дискуссия закончилась принятием решения о «приглашении» 200 военнопленнхх для уборки городских площадей и ассенизационных работ, рубки леса в городской даче для нужд бедного населения, разработки карьеров песка, камня и пешки для мощения улиц. Поскольку закон требовал предоставить пленнхх помещение с отоплением и освещением, постановили также соорудить два теплых барка, выделив из городской казны 4 тыс. руб.¹⁰

Серьезные сомнения члены Думы выражали по поводу продуктивности подневольного труда пленнхх, которые, помимо всего прочего, могли оказаться неспособными к производ-

ству тех или иных работ из-за отсутствия нужных технико-технологических навыков. Эта же проблема волновала и частных предпринимателей, намеревавшихся использовать пленных в своем хозяйстве. В начале октября 1914 г. «Уральская жизнь» писала: «По Южно-екатеринбургскому горному округу владельцами горных заводов заявлено требование на 500 чел. военнопленных для работ. Изъявили желание иметь пленных Ревдинские заводы — до 150 чел., Вознесенские рудники — 100 чел., Шайтанские заводы — 50 чел., остальные предприятия — по 20–25 чел. Некоторые из заводских предприятий сначала желают убедиться, пригодны ли военнопленные для работ»¹¹.

Преодоление новых, незнакомых ранее городским самоуправлениям, казенным заводам и частным предпринимателям трудностей, связанных с вовлечением пленных в производственные процессы, осложнялось тем, что и местное, и общероссийское законодательство явно запаздывало с определением норм и механизмов организации трудоустройства вражеских солдат и офицеров. Тезис о «желательности принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы...», продекларированный Рескриптом от 2 сентября 1914 г., на фоне вызванного войной оскудения трудовых ресурсов получил широкую поддержку в российском обществе. Однако канализировать эту поддержку в практическое русло стало возможно только после 7 октября 1914 г., когда правительство утвердило «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств»¹². Еще позже, соответственно 28 февраля и 17 марта 1915 г., законную силу обрели документы, регламентировавшие использование труда пленных на сельскохозяйственных работах и в частнопromышленном секторе¹³.

Только в декабре 1914 г., после относительного прояснения процедуры отпуска военнопленных на работы местных самоуправлений, власти Екатеринбурга возбудили ходатайство перед пермским губернатором о предоставлении 120 чел. для городского карьера. Попутно испрашивался аванс на их содержание в размере 6 085 руб., согласно смете, составленной членом городской управы Н.П. Четчинным по поручению дорожной комиссии¹⁴. В то время, как губернская администрация формулировала свои соображения по этому поводу, в Екатеринбурге случилось ЧП: 7 января 1915 г. развалился строившийся в городском карьере рабочий барак для военнопленных. 11 января 1915 г. «Уральская жизнь» извещала своих читателей: «Барак с продольными стенами в 28 саж. длины строился безо всякого фундамента прямо на земле. ...Внутри никаких капитальных стен и перегородок. На днях на стены начали накладывать балки. Когда было положено 26 балок, тонкие бревна одной из стен не выдержали нагрузки, и под тяжестью сначала с треском вылетела промежуточная между окнами кладка, а затем начал валиться и весь барак...»¹⁵. Вина за случившееся была возложена на городскую управу, с попустительства которой городская дорожная комиссия приняла к реализации явно недоработанный проект строительства. Более того, возведение барака осуществлялось без необходимой на то санкции губернских властей, а именно губернского строительного отделения.

Вскоре город столкнулся с новыми проблемами, связанными с военнопленными. 14 января 1915 г. с прибывшего на ст. Екатеринбург–1 поезда № 49 были сняты два трупа турецких военнопленных, умерших в дороге. На следующий день умерло еще три пленных турка. Как выяснилось, все скончавшиеся болели брюшным тифом. Эти факты, что вполне закономерно, вызвали обеспокоенность в городе. На опасность распространения эпидемических болезней, завезенных в Екатеринбург с военнопленными, указывала и губернская администрация, требуя от городской управы обеспечить полную изоляцию неприятельских солдат и офицеров¹⁶. Снятые с эшелонов они, в основном страдавшие тифом и дизентерией, разместились в вагонах на изоляционном пункте железнодорожной больницы.

Движение военнопленных через ст. Екатеринбург-1 в 1915 г.

Дата прибытия	Прибыло, чел.	Из них Низших чинов	Офицеров	Подданство	Место назначения
01.01.	1057			австрийцы, германцы	Омск
02.01.	202			австрийцы, германцы	"
03.01.	2105	2000	105	австрийцы, германцы	Сибирь
05.01.	Св. 1077	Св. 1000	77	австрийцы, германцы	Сибирь
	2134	2081	53	австрийцы, германцы	Сибирь
07-11.01.	1062	1060	2	австрийцы, германцы, турки	Сибирь
12.01.	1170	1170		австрийцы, германцы	Вятская губерния
13.01.	1147	1147		австрийцы, германцы	Вятская губерния
14.01.	961	830	131	австрийцы, германцы, турки	Вятка (австрийцы), Пермь, Ирбит (турки)
15.01.	564	537	27	турки	Сибирь
16.01.	1088	1070	18	австрийцы, германцы	Омск
17.01.	148			германцы	Омск
16-17.01.	1164	1162	2	австрийцы, германцы, турки	Ирбит, Камышлов (австрийцы, турки), Омск и далее в Сибирь (германцы)
23.01.	1370	1353	17	австрийцы, германцы, турки	Иркутская губерния
24.01.	300			австрийцы	Пермь
25.01.	536	336		австрийцы, германцы	Пермь
14.02.	51			австрийцы	Сибирь
19-22.02.	Св. 3300	3289	11	австрийцы, германцы, турки	Ирбит, Камышлов (австрийцы, турки), Омск и далее в Сибирь (германцы)
22.02.	81			австрийцы, турки	Пермь
24.02.	600	600		австрийцев	Сибирь
25.02.	571	571		австрийцы, германцы, турки	"
26.02.	219	219		австрийцы, германцы	Пермь
27.02.	386	386		австрийцы, германцы	"
28-30.03.	3972	3851	121	австрийцы, германцы	Сибирь
31.03.	400		400	германцы	Омск
01.04.	451	226	225	австрийцы	Пермь
02.04.	552	226	326	австрийцы	Сибирь
02.04.	1509	1500	9	австрийцы	Кунгур
03.04.	1500	1330	170	германцы	Омск
03.04.	420	420		австрийцы	Сибирь
05.04.	1058	1050	8	австрийцы, германцы	Сибирь
05.04.	382	382		австрийцы	Екатеринбург
07.04.	101	101		австрийцы	Омск
08.04.	2091	2071	20	австрийцы, германцы	Сибирь
08.04.	840	840		австрийцы	Верхотурье
09.04.	1494	1470	24	германцы	Кунгур
09.04.	711	701	10	германцы	Омск
10.04.	628	618	10	австрийцы, германцы	Екатеринбург
14.04.	773	769	4	австрийцы, германцы, турки	Кунгур
16.04.	1000	1000		австрийцы	Екатеринбург
17.04.	1406	1406		австрийцы	Екатеринбург
23.04.	1200	1200		австрийцы, германцы	Сибирь
24.04.	2272	2200	72	австрийцы, германцы	Сибирь
28.04.	27			германцы	Иркутск (6 немецких морских офицеров и 4 матроса), Чердынь (2 германца и 15 маляр)
07.05.	180	180		австрийцы, германцы	Сибирь
11.05.	140	140		австрийцы, германцы	Сибирь
15.05.	50			австрийцы	Кыштымский завод
24.05.	100	100		австрийцы	Томск
27.05.	532	532		австрийцы	Вятка
14.06.	2900	2900		австрийцы, германцы	Вятка
22.06.	500	500		австрийцы, германцы	Вятка
22.06.	880	850	30	австрийцы, германцы	Пермь
24.06.	11400			австрийцы, германцы	Кунгур
04.07.	315	315		австрийцы	Пермь
05.07.	300			австрийцы	Пермь
06.07.	132	132		австрийцы, германцы	Пермь
06.07.	246				Ст. Бисерт (121 чел.), Верхняя Салда (25), Усьва (60), ст. Кони Дулевской ветви (40)
11.07.	1400	1400		австрийцы, германцы	Чердынь
12.07.	1300	1300		австрийцы, германцы	Чердынский уезд
17.07.	1500	1500		австрийцы, германцы	Пермь
23.07.	400	400		австрийцы, германцы	Пермь
30.07.	996	996		австрийцы, германцы	Пермь
03.08.	750	750		австрийцы, германцы	"
05.09.	350			австрийцы, германцы	Красноярск
07.	500			австрийцы, германцы	Верхотурье

Источник: Уральская жизнь. 1915. 3, 4, 8, 11, 13, 15, 16, 18, 20, 21, 25, 27, 29 янв.; 17, 24, 26, 27, 28, февр.; 31 марта; 1, 4, 7, 8, 10, 12, 15, 18, 19, 24, 28, 30 апр.; 9, 13, 17, 27, 29 мая; 16, 23, 25, 26 июня; 7, 8, 15, 18, 25, 31 июля; 4 авг.; 8 сент.; 11 окт.

¹⁾ В источнике место назначения точно не указано.

²⁾ Точная дата не указана. Очевидно, между 4 и 7 января 1915 г.

³⁾ В источнике место назначения точно не указано: «из Тюмени на работы в завод».

⁴⁾ Точная дата не указана. Очевидно, между 3 и 11 октября 1915 г.

По распоряжению Пермской железной дороги спешно, в течение 3–4 недель, на ст. Екатеринбург–1 соорудили три «заразных барака» на 300 кроватей. Непосредственно в городе после долгих дискуссий между городской и земской управами для больных военнопленных предоставили лазарет для раненых Всероссийского союза городов при городской больнице¹⁷. Необходимость в последнем, однако, в скором времени отпала, во-первых, потому что число снимаемых с поездов больных военнопленных власти явно переоценили, а во-вторых, к концу марта 1915 г. завершились работы по оборудованию изоляционного пункта на ст. Екатеринбург–1¹⁸.

23 февраля 1915 г. стало известно, что г. Екатеринбург «назначен эвакуационным обсервационным пунктом для всего местного района. Сюда будут привозиться все военнопленные и отсюда больные распределяться по изоляционным пунктам (таковые, кроме Екатеринбурга, были открыты в Тюмени и Омске — С.Н.), а здоровые отправляться в места распределения и далее в Сибирь»¹⁹. Первоначально предполагалось, что до деления пленных на партии их в городе будет скапливаться до 3 тыс. чел., позже была названа более скромная цифра в тысячу человек²⁰.

В порядке реализации решения о превращении Екатеринбурга в «перевалочную базу» для пленных прибывших 25 февраля в город 600 австрийских и турецких солдат разместили в зданиях Гоголевской (помещалась в деревянном здании у моста через р. Мельковку на Арсеньевском пр., ныне ул. Свердлова) и Вознесенской школ. «Пленные остаются в городе временно, — подчеркивала «Уральская жизнь», — до прибытия новых партий. После этого будет произведена разбивка их на эшелоны, которые будут направляться в уезды Камышловский, Ирбитский и др. Пермской губернии, а также в Сибирь»²¹.

Факт концентрации в Екатеринбурге значительного количества военнопленных актуализировал проблему их вовлечения в трудовые процессы. Тем более что в это время наконец-то завершилось строительство рабочего и жилого бараков для пленных близ городского карьера. Власти Екатеринбурга снова подняли вопрос о привлечении пленных к работам перед губернской администрацией. Одновременно ходатайство об отпуске пленных было направлено екатеринбургскому уездному войсному начальнику, в распоряжение которого в конце марта 1915 г. было выделено 404 солдата австро-венгерской армии из славян²².

11 апреля 1915 г. «Уральская жизнь» сообщила, что екатеринбургский воинский начальник отпустил «для работ по приспособлению воинских помещений в распоряжение городской управы 10 военнопленных австрийцев», которые занимались кладкой печей. Предоставление городу столь незначительной партии пленных явно не удовлетворяло действительной потребности в рабочих руках, в то время как возможности для увеличения их количества были. Газета не случайно указывала, что «в настоящее время проходящих военнопленных в городе находится в Вознесенской школе около 80 и школе им. Н.В. Гоголя 370 чел.»²³. Подтолкнуть местные военные и гражданские власти к скорейшему разрешению широкого трудоустройства пленных должно было также сообщение о положительном рассмотрении этого вопроса по линии железнодорожного ведомства. В публикации от 15 апреля говорилось, что, в частности, на ст. Екатеринбург–2 (ст. Шарташ) к ремонтным работам пути уже привлечено 55 военнопленных славян.

Переписка городской управы с местным воинским начальником и пермским губернатором становится особенно активной во второй половине апреля 1915 г. Стимулом для этого стало прибытие в Екатеринбург 17 апреля партии австрийских пленных в количестве 1 406 чел. Самую крупную из всех, предназначенных для «постоянного жительства» в городе, ее сначала разместили в Харитоновском саду (парк Дворца детского творчества), затем — в помещениях нового Гостиного двора (место, где находится здание Администрации г. Екатеринбурга). Еще позже порядка 100–130 пленных, при условии их отпуска на работы

по благоустройству города, планировалось поселить в Боговяленской школе. Вопреки плану в конце апреля все находившиеся в городе пленные были переведены в здание Верх-Исетского народного дома-театра (находился между городом и Верх-Исетским заводом) как достаточно изолированное от городского центра²⁴.

Городская управа надеялась получить в свое распоряжение около трети всех военнопленных, поселенных на подведомственной ей территории, и даже провела среди них опрос на предмет владения теми или иными профессиями. Перепись пленных выявила среди них 268 чел., имеющих какую-либо специальность, в том числе: 21 слесаря, 7 ковалей, 3 кузнецов, 14 монтеров и машинистов, 16 фабричных рабочих, 15 каменщиков и штукатуров, 4 горнорабочих, 10 столяров, 32 сапожника, 6 парикмахеров и 9 музыкантов²⁵. Рассчитывая, как и прежде, привлечь пленных к работам по благоустройству города и добыче камня в карьере, расположенном в 5-и верстах от Екатеринбурга, местная администрация подержала также заявки городских предпринимателей, в частности владельцев лесопилен, рассматривавших вражеских солдат как основной источник преодоления дефицита рабочих рук на своих предприятиях²⁶.

Окончательно решить вопрос об отпуске пленных на работы, по крайней мере городские, удалось только после нескольких обращений к командующему Казанского военного округа. 5 мая 1915 г. «Уральская жизнь» писала: «4 мая из общего количества военнопленных отобрано 30 чел., командированных на мощение дороги на Сибирском проспекте (ул. Куйбышева — С.Н.). Военнопленные приступили к работе с охотой и относятся к ней старательно. Эти же военнопленные будут потом прокладывать мостовую по Турчаниновской улице (ул. Испанских рабочих и часть ул. 8 Марта — С.Н.). 120 чел. для работ в карьере отбираются и 6 мая будут отправлены в карьер»²⁷.

На следующий день стало известно, что в распоряжение городской управы передано 200 пленных из числа чернорабочих для метения улиц. Предварительно территория Екатеринбурга была разделена на 7 районов с таким расчетом, чтобы каждый район выметался дважды в неделю. Уже 5 мая работы такого рода производились с 3-х до 7-и часов утра на Главном (пр. Ленина) и Вознесенском проспектах, а также Колобовской улице (ул. Толмачева). С 6 мая 50 пленных стали выводить на работы по «приведению в порядок» Главной торговой площади (большая территория застроена, район Площади 1905 года, Исторический сквер, переулки Театральный и Банковский). 60 чел. были опущены уездной земской управе и отправлены на благоустройство Сибирского тракта в районе городского карьера²⁸.

К 15 мая число пленных, занятых на мощении городских улиц, увеличилось с 30 до 100 чел., которые были поровну разделены между работами на Сибирском проспекте и Турчаниновской улице. Удачным стал опыт использования пленных в городском карьере. Прибывшие сюда 6 мая 120 австрийцев тут же приступили к «разработке камня, исполняя ее с рвением и обнаруживая некоторые познания, так как среди них оказалось много специалистов», особенно среди 93-х пленных итальянского происхождения, уроженцев Трента и Триеста²⁹.

Не останавливаясь на достигнутом, власти Екатеринбурга планировали привлечь оказавшихся среди пленных музыкантов в оркестр Харитоновского сада, открывшегося с 17 мая 1915 г. для бесплатного ежедневного приема публики. Кроме того, солидаризировавшись с обывательским комитетом, городская управа в очередной раз направила пермскому губернатору прошение об отпуске военнопленных на лесопильные заводы, недоукомплектация которых рабочими грозила городу повышением и без того высоких цен на дрова³⁰.

21 мая 1915 г. «Уральская жизнь» информировала свою аудиторию о том, что в Верх-Исетском народном доме-театре находится 34 офицера и около 600 солдат австрийской армии, не занятых в экономике Екатеринбурга и прилегающих районов. Вместе с тем издание констатировало, что военнопленные уже выделены едва ли не всем близлежащим горнозаводским предприятиям. Особенно широко труд пленных использовал известный торговый

дом «Наследники А.Ф. Поклевского-Козелл». На принадлежащем ему асбестовом прииске в Белоярской волости Екатеринбургского уезда по разрешению Главного управления Генерального штаба работало более 300 чел. военнопленных, еще 70 — на Талицких винокуренном и дрожжевом заводах. 35 австрийцев в качестве рабочих были предоставлены суконой фабрике братьев Злоказовых, 50 чел. отпущены на льнопрядильно-ткацкую и мешочную фабрику братьев Макаровых³¹.

Таким образом, допуск военнопленных на работы в местных заводах и промышленных заведениях стал обычным явлением для хозяйственной жизни города и региона. Появились даже опасения, что вовлечение пленных иностранцев в производственные процессы «уронит требование на местных рабочих и создаст безработицу среди местного рабочего населения и конкуренцию в смысле предложения труда, что поставит рабочие классы в затруднительное положение, особенно при повышенных ценах на продукты»³². Однако такую позицию большинство работодателей явно не разделяло, а потому перечень объектов работ, где исполнялись военнопленные, продолжал пополняться.

К июню 1915 г. пленные закончили замощение Сибирского проспекта. Продолжались аналогичные работы на Турчаниновской улице, а также благоустройство Сенной площади (занимала пространство между современными ул. Куйбышева, Луначарского, Декабристов, Белинского) и городской свалки на Московском тракте (ул. Московская). Пленные австрийцы, кроме того, занимались устройством коновязей для военных частей, расквартированных в Екатеринбурге. С середины июля военнопленные нижних чинов были допущены к погрузочно-разгрузочным работам на ст. Екатеринбург - I Товарный. Ежедневно здесь трудилось от 40 до 80 чел. Еще 300 чел. использовалось на 6-м и 8-м участках Пермской железной дороги на ремонте путей. К концу июля окончательно решился вопрос об отпуске Екатеринбург 30 пленных «для образования оркестра для сада народных развлечений». К августу 1915 г. своего пика достигла численность пленных, занятых в городском карьере. 200 трудившихся здесь австрийских солдат, в том числе 40 итальянцев-каменотесов, «проявляли настолько работоспособности», что городская управа приняла постановление об увеличении их заработной платы³³.

Среди промышленных предприятий повышенным спросом на военнопленных отличались горные и металлургические. К сожалению, их полный список помещенные в «Уральской жизни» материалы составить не позволяют. Косвенным подтверждением его обширности является тот факт, что только в двух июньских номерах газеты за 1915 г. названо 5 заводов, пользовавшихся трудом пленных иностранцев: Калатинский, Невьянский, Нижнетагильский, Богословский и Надеждинский³⁴.

Росту удельного веса военнопленных в экономически активном населении региона способствовала отмена в середине 1915 г. всяких ограничений их отпусков на работы, о чем штаб Казанского военного округа 20 июня сообщил телеграммой за № 10057. В сентябре 1915 г. эту информацию продублировала губернская администрация, сославшись на решение военного министерства о выделении пленных всем предприятиям «по действительной надобности». 24 сентября «Уральская жизнь» довела до сведения своих читателей, что при распределении бывших неприятельских солдат между заинтересованными в их труде структурами предпочтение будет отдаваться производствам оборонного значения³⁵. Очевидно, на практике так и было. Альтернативные источники указывают, что в сентябре 1915 г. Особым совещанием по обороне государства 100 тыс. военнопленных было снято с сельскохозяйственных работ и предоставлено работающим на оборону промышленным предприятиям, в том числе 30 тыс. чел. — уральским. К концу 1915 г., по данным Совета Съездов горнопромышленников Урала, на разных предприятиях края трудилось около 25 тыс. пленных, из них около 4,5 тыс. — на крупных лесных работах, преимущественно по хозяйственной заготовке леса³⁶.

Определение четких государственных приоритетов в вопросе использования труда военнопленных иностранцев мало повлияло на уже сложившуюся ситуацию с их распределением в Уральском регионе. Отраслевая специфика местного хозяйственного комплекса изначально предполагала концентрацию подавляющего большинства пленных на производственных объектах военно-стратегического характера, как казенных, так и частных, на фоне которой влияние вражеских военнопленных в ряды работников предприятий гражданского профиля было не столь заметным.

Следующий 1916 г. внес свои коррективы в организацию трудоустройства иностранных военнопленных. 1 декабря 1915 г. «Уральская жизнь», цитируя источник в Пермском губернном по городским и земским делам присутствии, сообщала, что военный министр отдал общее распоряжение об «оставлении военнопленных на работах по удовлетворению городских потребностей на возможно-продолжительное время. Лишь в случае возникновения настоятельной нужды в усилении контингента рабочих угольных и металлургических предприятий, часть военнопленных может быть снята с городских работ». Одновременно Екатеринбург было отпущено еще 100 пленников, к которым в середине декабря 1915 г. добавились новые 46 чел., прибывшие из Челябинска для работ в городском карьере³⁷. Анализ последующих номеров газеты свидетельствует, что это были практически последние пленники, направленные в распоряжение местных властей, не считая 50-и германских и австрийских офицеров, в начале февраля 1916 г. расквартированных в «номерах» В.Г. Александрова (отца известного советского кинорежиссера Г.В. Александрова) по адресу Покровский проспект, 52 (ул. Малышева, район каменного моста через Исеть между ул. Добролюбова и Горького), но, однако, не подлежащих привлечению к труду без их согласия в соответствии с нормами международного права³⁸.

В течение 1916 г. «Уральская жизнь» лишь дважды упомянула об использовании пленников иностранцев в городском хозяйстве. При этом, что характерно, прежнее воодушевление, с которым читающая публика извещалась о занятиях пленников общественно-полезным трудом, сменилось плохо скрываемым разочарованием. «На работах в карьере, — констатировало издание 7 февраля 1916 г., — в настоящее время находятся 160 военнопленных; из них 80 работают непродуктивно, хотя и получают плату, одинаковую с русскими рабочими». В том же духе выдержано датированное 11-м июня сообщение газеты о привлечении 30 чел. пленников к уборке городских улиц³⁹. Случаи нерадивого отношения к труду со стороны солдат германской, австро-венгерской и турецкой армий, уставших надеяться на близкое завершение войны и возвращение домой, фиксировались все чаще и чаще, равно как и побеги военнопленных. Одним из самых массовых стал, в частности, побег 10 австрийцев с заводских работ в Кыштыме, совершенный 19 июля 1916 г. В таких условиях вполне закономерным было произошедшее в середине 1916 г. ужесточение законодательных норм ответственности пленников иностранцев за дисциплинарные нарушения. Отныне, писала «Уральская жизнь» 29 июля 1916 г., ввиду участвовавших отказов военнопленных от исполнения возложенных на них работ и самовольных уходов с мест производства виновные «будут подвергаться более суровой чем до сих пор мере наказания в виде ареста строгого, усиленного и, наконец, тюремного заключения»⁴⁰.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что поданные в 1916 г. городской управой Екатеринбурга заявки на труд военнопленных постоянно отклонялись. В феврале военное начальство ответило прямым отказом на ходатайство о дополнительном отпуске 200 военнопленных в городской карьер. Возобновить эксплуатацию данного объекта, временно приостановленную в конце апреля, власти Екатеринбурга попытались в июле, испросив у штаба Казанского военного округа для этих целей 150 военнопленных. Однако и теперь дело реши-

лось не в пользу города, так как все военнопленные были отданы на работы «первостепенной важности»⁴¹.

Надежды городской управы на повторение в новом весенне-летнем сезоне удачного опыта использования пленных иностранцев на мощении городских улиц также не оправдались. Апрельская заявка дорожной комиссии Екатеринбурга на 200 военнопленных, необходимых для организации работ на участке 4-й Мельковской улицы (ул. Азина) между Турчаниновской улицей и Арсеньевским проспектом, на Тихвинской (ул. Хохлакова) и Водочной улицах (ул. Мамина-Сибиряка), а также Александровском проспекте (ул. Декабристов), была оставлена без удовлетворения⁴².

Особенно активно местные власти лоббировали вопрос о привлечении военнопленных к реализации такого крупномасштабного и значимого проекта, как строительство Екатеринбургского горного института. 6 февраля 1916 г. «Уральская жизнь» уведомила своего аудиторию о намеченной на весну закладке фундамента здания и ходатайстве городского голсы А.Е. Обухова об устройстве в Екатеринбурге концентрационного лагеря для военнопленных на 4 000 чел., создание которого обеспечило бы главную стройку города рабочими руками. Однако ни из Перми, ни из Казани скорого ответа не последовало. 23 февраля в заседании городской думы было принято решение разместить тысячу ожидавшихся в ближайшей перспективе военнопленных в доме бывших наследников Коробейниковых (район пересечения современных ул. Куйбышева и Кузнечной) с ежемесячной выплатой владельцам арендной платы в размере 500 руб. Практически одновременно по телеграфу к пермскому губернатору обратился председатель екатеринбургской уездной земской управы А.М. Симонов: «...Ввиду огромного требования на труд военнопленных со стороны предприятий, работающих на оборону, общественных учреждений и сельских хозяев на предстоящие полевые работы, екатеринбургская уездная земская управа считает необходимым учреждение лагеря для военнопленных в Екатеринбурге как головном распределительном пункте на Урале, поддерживает ходатайство комиссии по постройке Екатеринбургского горного института и просит довести об этом до сведения военного министра»⁴³. Почти год спустя, 10 февраля 1917 г., «Уральская жизнь» известила своих читателей о том, что постройка здания Екатеринбургского горного института заканчивается, но ни в предыдущих, ни в последующих номерах издания информации как об участии пленных в строительстве, так и о формировании в городе и его окрестностях специального лагеря для бывших вражеских военнослужащих обнаружить не удалось⁴⁴.

Ограничительные тенденции в использовании несвободных работников на объектах городских самоуправлений в течение 1916 г. обрели все более устойчивый характер под влиянием ряда факторов. Степень интенсивности этого процесса, как и ранее, определялась прежде всего колебаниями спроса на труд пленных со стороны предприятий военно-промышленного комплекса. Вместе с тем условия всемерной милитаризации явно не способствовали сбалансированному развитию аграрного производства, где со временем также обозначился дефицит трудовых ресурсов. Перевод части бывших солдат противника в категорию сельскохозяйственных рабочих не гарантировал 100-процентного успеха в решении проблемы, но, безусловно, мог смягчить ее проявления. 2 февраля 1916 г. «Уральская жизнь» сообщила об отпуске пленных в деревню следующее: «...Раздаются пленные в крестьянские хозяйства по одному или партиями от 2 до 5 чел., охрана их — за домохозяином. Ближайший же надзор и учет пленных — на местной полиции. В хозяйствах с большой запашкой, где число пленных может достигнуть 10-15 чел., пленные отпускаются при условии найма для их охраны сторожей»⁴⁵.

Удовлетворение собранных к 10 февраля заявок на предоставление военнопленных сельским производителям осуществлялось крайне медленно и не всегда полностью. По состоянию на начало апреля 1916 г. из назначенных в ее распоряжение 150 пленных екатерин-

бургская уездная управа получила лишь 30 чел., тут же распределенных между волостями⁴⁶ и именем Нудина (10 чел.). В конце июня, с приближением сенокоса и уборки хлебов, с просьбой о дополнительной партии пленных выступила Шадринская уездная управа, сетуя на то, что весной возбужденное ею ходатайство было удовлетворено лишь частично⁴⁶. Вместе с тем очень скоро численность пленных в сельском хозяйстве региона превысила тот же показатель по городским и земским работам. К маю 1916 г. в пределах Пермской губернии трудилось 47 018 военнопленных иностранцев, в том числе 35 230 чел. — в частной промышленности, 5 079 чел. — на казенных объектах, 3 650 чел. — на железнодорожных, 2 303 чел. — в аграрном секторе, 480 чел. — на работах местных самоуправлений и 276 чел. — на прочих. К концу мая количество занятых в экономике края вражеских военнослужащих возросло до 50 611 чел., из которых на фабричных и заводских работах использовалось 34 194 чел., казенных — 5 731, сельскохозяйственных — 5 060, железнодорожных — 4 145, городских и земских — 913, прочих — 568 чел.⁴⁷

Перебои в снабжении населения продовольствием и его постоянное вздорожание к середине 1916 г. становятся не просто приметой времени, а таит в себе угрозу социального взрыва. Поэтому насыщение рабочими аграрной отрасли становится теперь первоочередной задачей центральных и местных властей. Еще 4 марта Главное управление Генерального штаба в директиве, отданной в соответствии с приказом военного министерства, предписало, чтобы «ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный не оставался в лагере без назначения, и все были отданы сельским хозяйствам»⁴⁸. В июне 1916 г. Министерство земледелия потребовало от военного ведомства направить в Пермскую губернию еще 1 тыс. пленных, из взятых в последних боях. В начале августа они начали прибывать на места и приступили к работам⁴⁹.

Начало следующего 1917 г. прошло под знаком бескомпромиссной борьбы сельхозпроизводителей за обладание пленными иностранцами. Уже в январе екатеринбургская городская управа подала заявку на отпуск 3 тыс. чел. для предстоящего весеннего сева. Из указанного количества от 400–500 чел. управа просила «отпустить теперь же» для исполнения текущих сельхозработ, остальных — не позднее второй половины марта. В то же время ирбитское земство возбудило ходатайство о 10 000 тыс. военнопленных. 8 февраля 1917 г. в Шадринском уезде состоялся съезд по вопросу обеспечения крестьянских хозяйств рабочей силой, на котором число пленных, необходимых в грядущем сезоне, было определено в 1208 чел. Немногим позже просьба о дополнительных 7 тыс. работников была оформлена челябинским уездным земством, которое уже располагало 1 509 иностранными военнопленными⁵⁰. Запросы региональной элиты явно не соответствовали имевшимся для их удовлетворения возможностям. Таким образом, пленные, призванные компенсировать нехватку людских ресурсов в деревне, сами стали труднодоступным дефицитом. Остроту момента отразило отданное пермским губернатором в начале марта 1917 г. указание, обязавшее екатеринбургские городскую и уездную управы к 1 апреля «во всех лечебных заведениях освободить от обязанностей санитаров и служителей военнопленных и передать их в распоряжение воинских властей для распределения их на сельскохозяйственные работы»...⁵¹

4 марта 1917 г. «Уральская жизнь» сообщила о свершившемся в Санкт-Петербурге государственном перевороте, и на фоне судьбоносных для страны событий, связанных со сменой политического строя, проблема пленных сразу утратила свою актуальность. Однако степень их интеграции в повседневную жизнь страны уже достигла в то время уровня, который обусловил если не натурализацию вражеских солдат и офицеров в России, то по крайней мере их вовлеченность в противоречивые процессы ее последующего исторического развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Уральская жизнь» — ежедневная газета, первый номер которой вышел в г. Екатеринбург 2 мая 1899 г. История издания закончилась 18 июня 1918 г., когда вышел приказ командующего войсками Северо-Урало-Сибирского фронта о закрытии газеты под предлогом «разглашения военной тайны».

- ² Уральская жизнь. 1914. 31 июля. (№ 170).
- ³ Уральская жизнь. 1915. 8 авг. (№ 176).
- ⁴ Уральская жизнь. 1915. 20 авг. (№ 185).
- ⁵ Там же.
- ⁶ Уральская жизнь. 1915. 31 авг. (№ 194).
- ⁷ Уральская жизнь. 1915. 18 сент. (№ 208).
- ⁸ Уральская жизнь. 1915. 26 авг. (№ 190).
- ⁹ Уральская жизнь. 1915. 2 сент. (№ 195).
- ¹⁰ Уральская жизнь. 1915. 4 сент. (№ 197).
- ¹¹ Уральская жизнь. 1915. 10 окт. (№ 225).
- ¹² Альбат Г. П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. М., 1917. С. 25.
- ¹³ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915 г. 12 марта. № 83. Ст. 715; Собрание узаконений и распоряжений правительства. 29 мая 1915 г. № 150. Ст. 1162.
- ¹⁴ Уральская жизнь. 1914. 5, 20 дек. (№ 272, 284).
- ¹⁵ Уральская жизнь. 1915. 1915. 11 янв. (№ 8).
- ¹⁶ Уральская жизнь. 1915. 16, 17, 18 янв. (№ 12, 13, 14).
- ¹⁷ Уральская жизнь. 1915. 25 янв. — 7 февр. (№ 21–29).
- ¹⁸ Уральская жизнь. 1915. 28 марта. (№ 68).
- ¹⁹ Уральская жизнь. 1915. 26 февр. (№ 45).
- ²⁰ Уральская жизнь. 1915. 28 февр. (№ 47).
- ²¹ Уральская жизнь. 1915. 27 февр. (№ 46).
- ²² Уральская жизнь. 1915. 28 марта. (№ 68).
- ²³ Уральская жизнь. 1915. 11 апр. (№ 80).
- ²⁴ Уральская жизнь. 1915. 19, 22, 29 апр. (№ 87, 89, 95).
- ²⁵ Уральская жизнь. 1915. 5 мая. (№ 99).
- ²⁶ Уральская жизнь. 1915. 22 апр. — 5 мая. (№ 89–99).
- ²⁷ Уральская жизнь. 1915. 5 мая. (№ 99).
- ²⁸ Уральская жизнь. 1915. 6 мая. (№ 100).
- ²⁹ Уральская жизнь. 1915. 13, 15, 20 мая. (№ 104, 106, 110).
- ³⁰ Уральская жизнь. 1915. 19, 20 мая. (№ 109, 110).
- ³¹ Уральская жизнь. 1915. 21 мая. (№ 111).
- ³² Уральская жизнь. 1915. 30 мая. (№ 119).
- ³³ Уральская жизнь. 1915. 31 мая — 28 июля. (№ 120–167).
- ³⁴ Уральская жизнь. 1915. 20, 24 июня. (№ 137, 140).
- ³⁵ Уральская жизнь. 1915. 26 июня, 22, 24 сент. (№ 142, 210, 211).
- ³⁶ Доклад Совета XXI Очередному Съезду Горнопромышленников Урала о деятельности Совета Съездов за 1915 год. Б/м, б/т. С. 31; Уральская жизнь. 1916. 21 янв. (№ 16).
- ³⁷ Уральская жизнь. 1915. 1, 13 дек. (№ 267, 278).
- ³⁸ Уральская жизнь. 1916. 9 февр. (№ 31). Следует отметить, что все стороны-участницы Первой мировой войны признавали за пленными офицерами, а также классными чиновниками и кадетами право на уважительное отношение и пристойные условия содержания. Офицеры и гриравенные к ним лица размещались отдельно от нижних чинов в специально оборудованных городских зданиях и даже частных квартирах с обязательством не удаляться с места жительства. В мае 1916 г. военный министр отдал распоряжение командующим округами не только строго следить за выделением пленным германским и австрийским офицерам пристойных помешений, но и снабдить их необходимой мебелью за счет военного ведомства. Не подлежавшие обязательному трудоустройству пленные офицеры могли подыскать себе хорошо оплачиваемую работу, к примеру, учителей в частных домах. Они пользовались относительной свободой передвижения, однако в случае побега, трактовавшегося как нарушение кодекса чести, лишались всех привилегий и подвергались наказанию вплоть до тюремного заключения. История пребывания пленных офицеров в Екатеринбурге таких прецедентов не знала, но тем не менее внесла некоторое оживление в городскую жизнь. Самым примечательным фактом этой истории, безусловно, стало состоявшееся 23 июня 1916 г. переход в православие 26-и пленных чехов — 21 офицера и 5 их денщиков солдатского звания, о чем «Уральская жизнь» сообщила 22 и 25 июня (№ 137, 140).
- ³⁹ Уральская жизнь. 1916. 7 февр., 11 июня. (№ 30, 128).
- ⁴⁰ Уральская жизнь. 1916. 26, 29 июля. (№ 165, 169).
- ⁴¹ Уральская жизнь. 1916. 23 февр., 28 апр., 3, 5 июля. (№ 41, 93, 146, 147).
- ⁴² Уральская жизнь. 1916. 1, 29 апр. (№ 73, 94).
- ⁴³ Уральская жизнь. 1916. 6, 25, 26 февр. (№ 29, 43, 44).
- ⁴⁴ Уральская жизнь. 1917. 10 февр. (№ 33).
- ⁴⁵ Уральская жизнь. 1916. 2 февр. (№ 26).
- ⁴⁶ Уральская жизнь. 1916. 5 апр., 26 июня. (№ 76, 141).
- ⁴⁷ Уральская жизнь. 1916. 30 апр., 24 мая. (№ 95, 113).
- ⁴⁸ Интернационализм: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М., 1987. С. 36.
- ⁴⁹ Уральская жизнь. 1916. 21 июня, 6 авг. (№ 136, 176).
- ⁵⁰ Уральская жизнь. 1917. 27, 29 янв., 18, 21 февр. (№ 22, 24, 38, 40).
- ⁵¹ Уральская жизнь. 1917. 2 марта. (№ 48).